

Чэнь Циньцин:

— Ты ненавидишь своего отца?

Девочка моргнула и сказала:

— Я не люблю брата.

Чэнь Циньцин посмотрел на девочку, ничего не сказал, а затем повернулся к Чжан Даолину:

— Убери меч.

Чжан Даолин глубоко посмотрел на Чэнь Циньцина и только тогда убрал свой меч, но его взгляд на девочку стал сложным.

Он наконец понял, что имел в виду Чэнь Циньцин, говоря, что это и не так.

Потому что эта девочка могла менять лицо...

Она могла контролировать это на таком уровне, что даже он не мог понять, как ребёнок способен на такое...

Девочка подошла, взяла Чэнь Циньцина за руку и повела к двери:

— Тогда пойдём.

Чэнь Циньцин не сопротивлялся, позволяя девочке вести его...

Остальные переглянулись и решили последовать за Чэнь Циньцином.

Чэнь Циньцин:

— Если ты хочешь, чтобы мы спасли твою маму, почему сразу не отвела нас к пруду?

Девочка:

— Потому что я хочу, чтобы кто-то поиграл со мной.

Чэнь Циньцин:

— Понятно.

Девочка посмотрела на Чэнь Циньцина и сказала:

— Если вы умрёте от рук моей мамы, то снова некому будет играть со мной.

Ли Хуайчжэн:

— Снова?

Девочка кивнула:

— Раньше уже приходили люди в деревню, но все они были убиты моей мамой.

Ли Хуайчжэн: [...]

Девочка:

— Поэтому я хотела сначала поиграть с вами, а потом спасти маму.

Девочка, сказав это, повернулась к Чжан Шаню:

— Я хотела бы поиграть с вами подольше, но время вышло.

Время? Какое время?

Ли Хуайчжэн и остальные были в недоумении, но, прежде чем они успели спросить, девочка уже повернулась и, держа Чэнь Циньцина за руку, повела его к выходу...

После этого Чэнь Циньцин и остальные вышли из дома вместе с девочкой.

После их ухода за семейной фотографией в главной комнате раздался странный звук...

Но Чэнь Циньцин и остальные уже ушли, и никто этого не заметил.

Пруд, о котором говорила девочка, находился в самом отдалённом месте деревни.

Это было место, где вообще никто не жил, и даже дорога к пруду была разбитой и узкой.

Когда они уже могли видеть пруд, девочка остановилась и указала вперёд:

— Моя мама там.

Чэнь Циньцин посмотрел вперёд, его взгляд стал серьёзным.

Чжан Даолин, глядя на компас в руке, глубоко нахмурился, его выражение стало крайне напряжённым, а взгляд на пруд наполнился беспокойством.

Девочка повернулась к Чэнь Циньцину и сказала:

— Ты обязательно спаси мою маму.

Чэнь Циньцин:

— Я отправлю твою маму туда, где ей положено быть.

Девочка на мгновение замерла, опустила глаза, а затем снова подняла их с беззаботным выражением и улыбнулась:

— Хорошо.

Девочка отпустила руку Чэнь Циньцина:

— Я подожду вас здесь.

Чэнь Циньцин посмотрел на девочку и направился к пруду.

Чжан Даолин, глядя на его фигуру, снова посмотрел на компас и в конце концов последовал за ним...

Остальные, естественно, пошли за ними.

Когда Чжан Шань собирался последовать за своим учителем, девочка внезапно протянула руки, преградив ему путь.

Чжан Шань удивился.

Девочка:

— Тебе нельзя идти.

Чжан Шань:

— Почему?

Девочка:

— Просто нельзя!

Чжан Шань нахмурился, решив, что девочка оставляет его в качестве заложника.

Однако, взглянув на спину своего учителя, он увидел, насколько тот напряжён.

Очевидно, что то, с чем им предстояло столкнуться, было не из лёгких.

Чжан Шань подумал о своей роли в построении защиты и сказал девочке:

— Можешь ли ты позволить мне пройти? Если мы умрём, то умрём все, мне нет смысла оставаться здесь.

Девочка посмотрела на Чжан Шаня и недовольно пробормотала:

— Ты похож на ту старшую сестру.

Чжан Шань:

— Старшую сестру?

Девочка убрала руки и освободила путь:

— Тогда иди.

Чжан Шань:

— Спасибо.

Сказав это, он побежал к своему учителю.

Девочка смотрела на Чэнь Циньцина и остальных, затем перевела взгляд на реку и с грустью произнесла:

— Мама...

Чэнь Циньцин и остальные приближались к пруду, и Чжан Даолин, идущий рядом с Чэнь Циньцином, не выдержал и спросил:

— Ты сказал, что маму девочки убил её отец, но почему она в этом пруду?

Чэнь Циньцин:

— Скоро узнаем.

Чжан Даолин:

— Хорошо.

Чэнь Циньцин посмотрел на Чжан Даолина, который был крайне напряжён, и сказал:

— Расслабься, я здесь.

Чжан Даолин, услышав это, посмотрел на Чэнь Циньцина с лёгким удивлением.

Он давно не слышал таких слов.

Чжан Даолин:

— Будь осторожен.

Чэнь Циньцин:

— Хорошо.

Сказав это, он остановился, опустил голову и посмотрел на пруд перед ними.

Пруд был большим и спокойным, как и все заброшенные пруды, вода была мутной, покрытой зелёной плёнкой водорослей и плавающим мусором.

— Мама девочки здесь? — с сомнением спросил Чжан Шань.

— Посмотрите туда... — женщина-полицейский указала на табличку у края пруда.

Все посмотрели в направлении её указательного пальца и увидели надпись на табличке:

— Запрещено топить девочек.

Эта надпись заставила многих нахмуриться, а взгляд на пруд стал полным недоверия.

Этот пруд...

Неужели это место, где топили девочек?

Иначе зачем было ставить такую табличку?

Если это так, то предпочтение сыновей в этом месте не ограничивалось семьёй девочки, а было повсеместным.

Возможно, из-за того, что здесь топили слишком много девочек, в деревне возник сильный дисбаланс между мужчинами и женщинами, и браки стали проблемой, поэтому они стали покупать женщин у торговцев людьми?

Но даже в таком случае предпочтение сыновей в этом месте не изменилось, и они надеялись, что купленные «невесты» родят им сыновей?

Если рождались девочки, их больше не топили, но и не любили, как внуков, а с раннего возраста заставляли заниматься домашними делами и подвергали жестокому обращению?

Таким образом, они могли понять мотив убийцы, который уничтожил всю деревню.

Такое место, полное зла, должно быть уничтожено полностью, чтобы пресечь передачу этого ужасного гена, продолжающего вредить девочкам.

Неизвестно, думали ли они об этом, но они услышали плач младенца, далёкий и призрачный, словно он был далеко, но в то же время совсем рядом.

Это заставило их переглянуться с удивлением и настороженностью.

Полицейский Сяо Чжао:

— Вы слышите... плач младенца?

Женщина-полицейский кивнула:

— Да, действительно слышен плач младенца.

Плач становился всё громче и отчётливее, и они стали сближаться, настороженно оглядываясь.

В следующий момент они увидели, как вода в пруду начала волноваться...

Из воды начали появляться призраки, но это были не младенцы, как они ожидали, а взрослые.

Мужчины и женщины, молодые и старые.

Их лица были бледными, из глаз, носа и рта текла кровь, они кричали от боли, протягивая руки, словно прося о помощи или пытаясь утащить их в пруд.

Но вскоре из воды начали вылезать ужасные младенцы, они карабкались на призраков и, открывая рты шире своих лиц, впивались острыми зубами в их тела, отрывая куски плоти.

В ушах Чэнь Циньцина и остальных раздались душераздирающие крики.

Младенцы, карабкающиеся на этих людей, жевали свою «добычу».

— Это... жители деревни? — спросил полицейский Сяо Чжао.

Чжан Шань:

— Вероятно, это те, кто умер в этой деревне.

Остальные молчали.

Чэнь Циньцин смотрел на младенцев, пожирающих души жителей деревни, и молчал.